

Возникновение британского синдикализма в 1830-х гг.

2009, источник: [здесь](#). ОТ ОУЭНИЗМА К СИНДИКАЛИЗМУ. Британское рабочее движение в первой половине 1830-х гг. (главы из книги: М.Бер. История социализма в Англии. Ч.2. Л., 1924).

Меновые базары и кооперативы

Когда агитации за билль о реформе [избирательного права] дошла до своего апогея и Великобритания была доведена ею чуть не до гражданской войны, Оуэн вернулся к своим старым замыслам, чтобы направить страну на путь мирного экономического переворота. Всеобщее политическое возбуждение он толковал как результат слепой жажды избавления, охватившей народ, как бурно надвигающийся исторический кризис.

Без колебаний он принялся за работу. Первым делом нужно было создать меновые базары, для того чтоб производители, страдающие от застоя в сбыте, получили возможность обменивать своя изделия на те хозяйственные блага, которые им желательны. Затем надо было объединить отдельных производителей в кооперативы. Наконец, нужно было побудить тред-юнионы отказаться от своих стачек и отдать свои способности и фонды на службу кооперативам, дабы освободить рабочих из зависимости от капитала. В качестве верного шага к этому освободительному делу, Оуэн задумал в ноябре 1831 г. план учреждения института для лондонской рабочей интеллигенции, долженствовавшего посвятить ее в учения кооперации и подготовить кадры руководителей при осуществлении его великого дела. 3 декабря был уже образован для этой цели комитет, и некий Бромли предоставил безвозмездно в его распоряжение свое торговое помещение на Gray`s Inn Road, известное под названием Royal Bazaar. 12-го и 19-го декабря в названном помещении состоялся многолюдный митинг, в результате которого был основан «Институт для интеллигентных и благомыслящих людей из трудящихся классов, ставящий себе целью устранение невежества и бедности» (1). Как задачи Института указывались: воспитание детей рабочих; покупка земли для сельскохозяйственных школ; «обмен продовольствия, предметов одежды и других хозяйственных благ и услуг на равноценные произведения труда согласно принципу равенства и справедливости и при посредстве рабочих бумажных денег»; затем, основание банка, где рабочие деньги могли бы обмениваться на обыкновенные деньги.

Идеи Оуэна относительно ценности и денег, изложенные им в Ланарском докладе 1820 г., должны были теперь превратиться в практику. Комитет принял предложение Бромли, не облекая его в форму договора. Институт был открыт. Органом его был еженедельник «Crisis», первый номер которого вышел 14 апреля 1832 г. С самого начала и в Институте, и в «Crisis» велась пропаганда в пользу меновых базаров, которые в глазах Оуэна имели, однако, лишь значение подготовительной меры к делу освобождения. В основании плана меновых базаров лежали следующие мысли:

“ Производители хозяйственных благ терпят нужду, так как они не знают источников сбыта; они не знают лиц, готовых обменять свои изделия на другие. Они обращаются поэтому к предпринимателям и посредникам, которые дают им за их товары деньги, предварительно вычитывая из них прибыль в ренту. С этими деньгами они обращаются опять к посредникам, чтобы получить желательные им хозяйственные блага, и при этой покупке вынуждены также платить прибыль и ренту не-производителям. Таким образом, пока производитель получает возможность удовлетворить свои желания, он теряет большую часть продукта своего труда в пользу не-производителей. Во избежание этих зол должны быть устроены меновые базары, где производители складывают свои изделия и где производится оценка заключенного в них среднего рабочего времени. Раз это сделано, производители получают бумажные свидетельства на депонированное количество рабочего времени. На эти свидетельства они могут получить там во всякое время желательные им хозяйственные блага, производство которых потребовало того же количества среднего рабочего времени. Таким путем предложение и спрос непосредственно сближаются друг с другом, и обмен происходит без потерь.

Меновой базар Оуэна не был, однако, первым из учреждений этого рода. Одно из них было основано уже в конце 1831 г. в Марилбоне, в Gothic Hall; другое находилось в северо-западной части Англии. Базар Оуэна был третьим по счету, но благодаря имени своего основателя – самым видным. Институт на Gray's Inn Road стал центром всех людей, интересовавшихся кооперацией и мирной социальной реформой. На последней неделе апреля 1832 г. там состоялся третий кооперативный конгресс. Конгрессы эти созывались каждые полгода и носили преимущественно характер собрания для пропаганды. Первый конгресс заседал в мае 1831 г. в Манчестере. второй в октябре 1831 г. в Бирмингеме. На третьем лондонском конгрессе были представлены 65 кооперативов, в том числе 29 производительных союзов. Оуэн изложил здесь свой проект меновых базаров и доказал вместе с тем, что отцом этой идея является он, а не Джон Грэй; в ланарском докладе 1820 г. мысли Грэя были уже предвосхищены. Присутствовавший в качестве делегата Вильям Томпсон подтвердил мнение Оуэна относительно его приоритета перед Грэм (2) На этом конгрессе произошло первое столкновение между парламентарно-демократическими социалистами и социалистами аполитическими и кооперативными; вообще между Институтом Оуэна и Ротондой, между «Crisis» и «Poor Man's Guardian» велась оживленная полемика. На этом же конгрессе Оуэн потребовал государственной помощи кооперативным предприятиям в размере 5 млн. ф.ст. (3)

3 сентября 1832 г меновой базар был открыт в Институте. В течение первых четырех месяцев успех был довольно значителен. Еженедельно отдавалось на склад и обменивалось изделий в среднем на 600 ф.ст., из коих Институт получал на покрытие расходов по

управлению 8,5%. Одновременно возник филиальный институт на Blackfriars Road близ Ротонды. Затем ряд тред-юнионистских рабочих организаций Лондона начал устраивать производительные артели из своих безработных членов и произведенные ими изделия обменивать в Институте. Однако извлечь пользу из этих предприятий могли только те рабочие, которые были материально лучше поставлены. Рабочие же действительно бедные не имели возможности ни посещать собрания в этих учреждениях, так вход туда был платный, ни пользоваться выгодами меновых базаров, так как они ничего не в состоянии были производить за собственный счет. Для Оуэна эти институты представляли то большое преимущество, что они приводили его в тесное соприкосновение с интеллигентными элементами пролетариата.

Вследствие недоразумений между Оуэном и Бромли, Институт принужден был около середины января 1833 г. очистить помещение на Gray`s Inn Road. Предприятие перешло временно в филиальный союз близ Ротонды. Расстройство, связанное с переездом, неблагоприятные слухи, распускаемые капиталистической прессой, и обусловленные этим убытки повели за собою моральную дезорганизацию, от которой Институт не мог уже вполне оправиться. Он переехал затем на Charlotte Street, Tottenham Court Road, 14 и 1 мая 1833 г. был открыт Оуэном, произнесшим при этом случае апокалиптическую речь. С тех пор эта местность стала приютом всех европейских эмигрантов, вынужденных из-за своих политических или коммунистических убеждений искать убежища в Лондоне.

В июне 1833 г. бирмингемские рабочие и оуэнисты открыли меновой базар, также имевший лишь посредственный успех.

Весь этот год Оуэн жил в состоянии экстаза. Быстрый расцвет тред-юнионов, распространение кооперативной идеи, полное презрение к парламентскому способу действий и возрастающая солидарность пролетариата рассматривались им как предвестники близкого освобождения мира от заблуждения и несправедливости. Оставив меновые базары на попечении рабочих, он отправился сам в пропагандистское турне по Ланкаширу, Йоркширу и Стаффордширу, где завязал сношения с вождями рабочих. Эта поездка внушила ему мысль о возможности связать все тред-юнионы и кооперативы Соединенного Королевства, или то, что он называл производительными классами, в единую организацию, придать ей коммунистическую форму и, таким образом, поставить всю страну на кооперативный базис.

Гигантский план! В течение немногих лет дело будет закончено. В его созидательном уме все это творение было совершенно готово. Но скоро идеи и факты враждебно столкнулись между собою.

Вильям Бенбоу и всеобщая забастовка

В последние месяцы 1831 г. узрела свет социал-революционная идея всеобщей забастовки. Отцом ее был сапожник, издатель, книгопродавец и владелец кафе Вильям Бенбоу (Benbow), человек большого красноречия и духовной энергии, но запальчивого темперамента и непомерной самоуверенности. Патологические черты его характера

являются, по всей вероятности, следствием нервных страданий, нажитых отчасти усиленными умственными занятиями среди неблагоприятных материальных условий, главным же образом вследствие полицейских преследований, которые он навлек на себя своей радикальной агитацией. О жизни его до сих пор не было ничего известно. Приводимые дальше биографические сведения составляют результат утомительных изысканий и изучения истории описываемой эпохи.

Вильям Бенбоу представляет собою тот же духовный тип, с которым мы уже познакомились, говоря о Ричарде Карлайле и Томасе Дж. Вулере: это – продукт демократического, радикального, вольнодумного и естественно-правового направления последних десятилетий XVIII к первым десятилетиям XIX века, когда наиболее даровитые ремесленники и рабочие, благодаря своему железному прилежанию и неугасимому энтузиазму, приобретали значительные литературные и политические познания, чтобы отдать их на службу просвещению масс. Бенбоу родился, вероятно, около 1760г. в Лондоне. Когда в апреле 1840 г. ему пришлось защищаться перед судом присяжных в Честере по обвинению в мятежных чартистских речах, то в заключение своей 10-часовой защитительной речи о сказал о себе, что он уже старый человек и что в лучшем случае ему остается жить еще 10 лет (4). Имея в виду принятый в Англии способ выражения, мы вправе заключить отсюда, что ему было тогда около 60-ти лет. В тюремном списке он значится как сапожник (5). Известно далее, что в 1817–1825 г. он был типографом и издателем. На вывеске его издательства была изображена голова лорда Байрона, и потому оно называлось «Byron`s Head». У него Ричард Карлайль напечатал драму Роберта Соути «Уот Тайлер», чем навлек на него непримиримую вражду Соути. Бенбоу печатал дешевые издания английских поэтов, особенно Байрона. В 1823 г. он издал выпусками сочинение, представлявшее хронику всяких скандалов из жизни духовенства: оно носит заглавие «Crimes of Clergy» («Преступления духовенства») и принадлежит к разряду лубочной литературы. Два года спустя он выпустил в свет полемическую брошюру «A Scourge for the Laureate», направленную против Соути и в защиту Байрона. Pamфлет этот отлично написал и обнаруживает в авторе человека, обладающего сильным стилем и довольно большими литературными познаниями. Уже тогда Бенбоу имел в своем активе отбытую тюремную кару. В 1831 и 1832 гг. мы встречаем его как члена Национального Союза [рабочих классов] и одного из самых крайних ораторов Ротонды. Около того времени он был владельцем кофейни на Fleet Street, №205, которой помечена его брошюра о социал- революционной всеобщей забастовке. Заглавие ее: «Grand National Holiday and Congress of the Productive Classes»; она появилась в конце 1831 г. и содержит следующее короткое посвящение рабочим:

«Жертвы обирательства и товарищи по несчастью! Я предлагаю вам план свободы; примите его, и вы избавите мир от всякого неравенства, нищеты и преступления. Мученик за ваше дело, я становлюсь теперь пророком вашего освобождения из цепей. Здесь вам указывается и посвящается вам план счастья. Вместе с ним я предлагаю вам свою жизнь и свое тело, свою душу и свою кровь. – Commercial Coffee House, 205, Fleet Street».

Речи Бенбоу в Национальном Союзе часто приводятся в «Poor Man`s Gurdian». В 1834–1835 гг. мы о нем ничего не слышим; лишь в последний из указанных годов он вновь всплывает в

Ланкашире: здесь он разъезжает на собственной повозке, устраивает собрания под открытым небом и продает свою брошюру о всеобщей забастовке. По-видимому, он покинул Лондон в 1837 г., чтобы переехать в центр чартистской агитации. Вообще около того времени руководящие радикальные и социалистические агитаторы, например, О'Коннор и Оуэн, оставили Лондон и отправились в Йоркшир и Ланкашир, куда вслед за промышленным центром тяжести переместился также и политический. В начале августа 1839 г. Бенбоу был арестован в Манчестере и просидел 8 месяцев в предварительном заключении, так как не мог представить за себя залога, и – как это ни странно – не нашелся ни один человек, который бы за него заступился (6). Хотя и популярный в рабочих кругах, он не пользовался, однако, в них особым уважением; постов, требующих доверия, ему не поручали, и на многочисленных конференциях, съездах и прочих собраниях чартистов мы никогда не встречаем его в качестве делегата. Это пренебрежительное отношение также немало способствовало его озлоблению; он считал себя жертвою общего преследования, одинаково – друзей и недругов. Но его брошюра о всеобщей забастовке оказала между 1838 и 1842 г. сильное влияние. Вряд ли нашелся бы хоть один чартист, который ее не читал; ее фразеология была у всех на устах, чартистские вожди постоянно употребляли ее, и все споры о всеобщей забастовке и попытки ее осуществления в описываемое десятилетие объясняются влиянием брошюры Бенбоу.

Основные мысли Бенбоу заключаются в следующем:

“Труд народных масс – единственный источник богатства, но черпает из этого источника только привилегированное меньшинство. Народ – источник всей мощи государства, но пользуются ею угнетатели народа. Народные массы сражаются на море и на суше, но лавры и добыча достаются узурпаторам. Как это стало возможным?”

Ответ:

“Вследствие невежества народа и отсутствия единения в его среде.”

Худший продукт невежества состоит в предположения, что другие сделают за нас то, что мы сами должны бы для себя сделать. Со стороны рабочих чистейшее безумие требовать от своих господ, чтобы те взяли на себя роль их освободителей.

Рабочие должны освободить себя сами. И когда рабочие поймут это, они победят. Начиная от Уота Тайлера в кончая Тистльвудом, поборники правды, запечатлевшие ее своей кровью, выходили из народа.

Но как может народ достигнуть этого знания и солидарности действий?

Путем провозглашения месяца отдыха, путем прекращения работ. Вам говорят, что мы страдаем от перепроизводства. Хорошо. Перестанем производить. Господа скоро узнают тогда, что обилие хозяйственных благ не есть зло. Вам говорят, что мы страдаем от перенаселения. Хорошо. Сосчитаем себя; узнаем, как сильна рабочая армия и как

малочисленно привилегированное меньшинство. Уже акт прекращения работ массами даст им сознание своей мощи, покажет им все значение солидарного выступления. Чтобы принести пользу рабочим, месяц отдохновения должен стать для рабочих месяцем конгрессов, народным месяцем для составления социального баланса, национальным конвентом, чтобы разбить и обратить в бегство тиранию.

Раньше чем провозгласить национальный месяц отдыха, нужно сделать необходимые приготовления. Каждая местность выбирает комитет для руководства агитацией и для просвещения масс относительно значения месяца отдыха и национального конгресса. Каждая рабочая семья должна запастись продовольствием на одну неделю; на более продолжительное время – нет надобности. Если рабочий класс всей страны будет в течение одной только недели един и проникнут сознанием своей цели, то успех обеспечен.

Все фонды и имущества, которые предназначались первоначально для поддержки народа и были присвоены затем различными корпорациями и церковными союзами, должны снова получить свое прежнее назначение. Земля и скот принадлежали первоначально всем. Назначенные народом комитеты должны позаботиться о том, чтобы нынешние владельцы вернули бастующим массам часть произведений земли и скота. А за комитетами должен стоять нравственно крепкий и готовый к действиям народ. Прежде все го массы не должны быть чрезмерно щепетильными. Право на стороне народа и на его же стороне сила.

Цель национального конгресса – преобразовать общество сверху донизу путем лучшего распределения богатств, путем равномерного обращения хозяйственных благ, дабы привести весь социальный организм в гармоническую деятельность.

План Бенбоу сводится, таким образом, к следующим мыслям: всеобщая забастовка – наилучшее средство привести рабочих к сознанию своей мощи; задача агитаторов – использовать подходящий момент, чтобы подвинуть рабочих к массовому выступлению. Рабочие, действуя en masse, превращают свою мощь в акт насилия, который приводит народ к победе и счастью, так как восстанавливает экономическое равенство.

Синдикалистский фазис

До 1832 г. профессиональное рабочее движение проделало следующие стадии развития: организация в целях взаимопомощи, организация одного промысла (trade union) в целях взаимопомощи и устройства стачек, наконец – организация родственных между собою промыслов (trades unions). Эти экономические объединения были политически нейтральны: члены их были либо ториями, либо вигами, либо приверженцами буржуазного радикализма, и боролись за те или иные политические программы вместе с членами других классов. Во всяком случае, хозяйственные объединения рабочих преследовали только такие цели, которые не шли дальше интересов дня и существованию господствующего общественного строя серьезно не угрожали.

После 1832 г. [частичной реформы избирательного права, так и не давшей рабочим права голоса] положение изменилось. Организованные рабочие стали на некоторое время

противниками парламентаризма: они отделились от парламентской политики, но не для того, чтобы остаться нейтральными, а с целью повести с нею борьбу и достигнуть при помощи тред-юнионов того, что до сих пор считалось достижимым только при помощи законодательных учреждений. Одновременно появился на сцену антипарламентарно настроенный Роберт Оуэн и поставил тред-юнионам другую цель: превратить общество из капиталистического в социалистическое при помощи производительной кооперации.

Из тред-юнионизма получился синдикализм: организованный рабочий класс стал антипарламентарным и социал-революционным. Но благодаря связи с оуэнизмом, тред-юнионизм приобрел утопический характер, противоречащий существу тред-юнионизма. Экономически организованный рабочий класс не имеет никаких заранее построенных социальных систем. Он знает только классовую борьбу в целях повышения заработной платы и понижения прибыли. Что наступит тогда, когда прибыль опустится до нуля, это пока его не интересует. Когда борьба укрепит рабочие организации настолько, что они сумеют дать окончательный мат капиталу, то они возьмут на себя производство и поведут его ко благу рабочих. Выражаясь языком Анри Бергсона, они алогичны.

Этого Оуэн не понимал. Его система была продуктом рационалистической логики. Она покоилась далее на идеях классовой солидарности. В конечном итоге, его средство и его цель были отвлеченными социальными конструкциями.

Убежденный в абсолютной истине своих взглядов и исходя из уверенности, что абсолютная истина, высказанная ясно, решительно и в надлежащий момент, действует неотразимо, Оуэн сообщил свой план вождям рабочих. Относительно наибольшее сочувствие он встретил у рабочих строительного промысла, которые составляли тогда одну из сильнейших организаций. И это не было случайностью. Строительным рабочим приходилось много страдать от посредников: от подрядчиков первой и подрядчиков второй руки, которые становились между предпринимателем и рабочим и могли получить свою прибыль только за счет рабочих. «Долой посредников и подрядчиков!» – стало лозунгом строительных рабочих. Почему между производителем и потребителем должны становиться жадные к наживе люди и урезывать у рабочих их справедливую плату? Мы, рабочие, – говорили себе лица, занятые в строительном промысле, – могли бы с таким же успехом сами взять подряд и получать тогда полную плату за свой труд.

Все это были мысли и переживания, очень близкие к оуэнизму. Экономическое учение Оуэна сводилось в значительной мере к подчеркиванию паразитарного характера посредников и необходимости тесной связи между производителями и потребителями, а затем к указанию, что только переход управления производством к производителям дает действительное решение социального вопроса (7).

Осведомленный своими приверженцами об этом настроении рабочих организаций, Оуэн обратился к ним. Вожди созвали конференцию, заседавшую на последней неделе сентября 1833 г. в Манчестере. Явилось не менее 500 делегатов, и после продолжительных прений планы Оуэна относительно меновых базаров и кооперативов были одобрены (8). Одного только не знал Оуэн: что наряду с этим рабочие удержали также свою тактику классовой борьбы.

Через 3 недели после конференции строительных рабочих был основан их еженедельный орган «Pioneer»; его девиз гласил: «День нашего избавления близок». Редактором «Пионера» был Джеймс Моррисон, молодой строительный рабочий-самоучка, начавший оуэнизмом и кончивший синдикализмом. Моррисона бесспорно следует признать родоначальником синдикалистского воззрения на пролетарскую классовую борьбу. Об его жизни имеется мало сведений. Он приехал из Бирмингема, был по происхождению шотландцем, принимал в 1832 г. участие в рабочем движении и после двух лет напряженной умственной работы умер в конце сентября 1835 г. в Манчестере от последствий переутомления и материальной нужды. Жена его еще долгое время после этого работала как социалистическая агитаторша в Сальфорде (9). Счастливей был его друг и единомышленник Джеймс Э. Смит (1801–1857) (10), происходивший из семьи ткачей. Приехав в сентябре 1832 г. из Глазго в Лондон свободомыслящим теологом и метафизиком, Смит был обращен в оуэнистскую веру, читал лекции в оуэнистском Институте и взял на себя редактирование «Crisis»а. Смит был своеобразным мыслителем: основной его чертой был антидогматизм и мистицизм. Его живой, но мало устойчивый ум был восприимчив ко всем еретическим теориям. Учения социализма скоро пленили его, по крайней мере, на некоторое время, пока они ставили перед ним новые проблемы и возбуждающе действовали на его вечное искание истины. В 1833–1834 гг. он был проповедником оуэнистской общины и благодаря своему философскому образованию, значительному ораторскому таланту и художественному стилю, пользовался большим влиянием. Скоро оуэнизм был им исчерпан, и он стал продолжать свои искания. Он натолкнулся на Моррисона, который, в качестве редактора «Pioneer»а, бывал с ним часто в одной типографии. Смит увлекся синдикалистскими идеями молодого строительного рабочего и придавал им ясную форму в своих лекциях и редакционных статьях. Таким образом, Моррисон и Смит явственно отдалялись от правоверного оуэнизма и в 1834 г. очутились в резком антагонизме к Оуэну, который отрекся от них обоих в июне 1834 г. Смит стал сен-симонистом, затем фурьеристом и кончил заурядным газетным сотрудником. Однако он до конца сохранил враждебное отношение к парламентаризму и дружественное расположение к тред-юнионам; более того, вера в значение тред-юнионов была одной из немногих положительных идей, которые в состоянии был прочно усвоить себе этот беспокойный ум. Его философско-исторические писания носят на себе также явственные следы влияния Шеллинга. У Смита была своя теория эволюции, окрашенная мистицизмом. О деятельности этого человека в кооперативно-синдикалистский период до сих пор мало что было известно. Его биограф нагромоздил кучу не идущего к делу материала, который скорее затемняет эту деятельность, чем освещает ее.

Первым долгом редактора «Pioneer» было дать свой комментарий по поводу большой конференции в Манчестере:

«Наш союзный корабль снова несется на всех парусах по морю и гордо торжествует победу над высоко вздымающимися волнами. Новые порядки судят нашему Союзу наилучший успех. Мы не вправе сообщать подробности, но полагаем, что постановления конференции окажут немедленное действие на окружные ложи. Парламент строительных рабочих имеет уже за собой продолжительную сессию, и из всего слышанного нами мы

закключаем, что на нее везде смотрят с чувством удовлетворения. Никогда еще рабочие не стремились так серьезно улучшить свое положение; спокойно подвигаются они вперед в искусстве законодательства, которое обезопасит их против всех надувательских ухищрений политиков старой школы... Мы очень серьезно заявляем, что строительные рабочие положили удачное начало делу освобождения всего мира».

Главным успехом конференции было, по-видимому, единогласно принятое постановление, что строительные рабочие должны кооперативно объединиться с целью «сделать предпринимателей излишними» (11).

На второй неделе октября 1833 г. в Лондоне собрался конгресс представителей кооперативов и тред-юнионов, чтобы обсудить вопрос о слиянии. Накануне открытия конгресса на Charlotte Street состоялся массовый митинг, где в качестве главного оратора выступил Оуэн, говоривший об отношениях между социализмом и тред-юнионизмом. Ссылаясь на опыт, вынесенный из своей пропагандистской поездки, Оуэн высказал уверенность, что не далее как через 6 месяцев рабочие все перейдут на сторону великих кооперативных истин. К этому он добавил:

“Я излагаю вам здесь лишь вкратце основные черты готовящегося великого переворота, который грянет в общество внезапно, «аки тать в нощи»» (12).

Всё должно совершиться без борьбы и насилия: тред-юнионы превращаются в кооперативы и объединяются в федерации, которые обменивают между собою хозяйственные блага при помощи меновых базаров. Во главе стоит общий конгресс, имеющий свое местопребывание в Лондоне: он занимает место парламента и регулирует производство всей страны.

Большую часть времени заняли на конгрессе доклады. Главная работа – слияние кооперативов и тред-юнионов – была проделана при закрытых дверях. Конгресс произвел, по-видимому, очень выгодное впечатление на всех участников и посетителей. Похвал и восторга по поводу всего слышанного был полон даже «Poor Man`s Guardian» (19 октября 1833):

“Пред нами нечто невиданное ещё в истории. Тихо, но быстро происходит возникновение крупной национальной организации, обещающей воплотить в себе всю физическую силу страны. И цель, преследуемая ею, самая возвышенная, какую только можно себе представить: установление полного господства рабочих над плодами их труда. До сих пор рабочие растрчивали свою энергию на распри с предпринимателями и между собою. Они никогда еще не имели перед собою великой цели; не было также между ними согласия относительно целей, которых они желали бы достигнуть. Добиться какого-нибудь мелкого повышения заработной платы или не допустить ее понижения, – вот все, к чему они до сих стремились и за что они бастовали. Эта и подобные ей цели были рабскими целями; они не затрагивали корня зла, они не имели в виду радикальной перемены; тенденция их была – не

переменить систему, а скорее увековечить ее, сделав ее более сносной. Рабочие поступали еще хуже: они недоедали, чтобы только иметь возможность делать взносы в кассы пособий больным и престарелым, – взносы, которые должны бы платить богатые. Как непохожа на эти мелкие задачи прежних рабочих объединений та цель, которую поставили себе делегаты конгресса! Они стремятся к полному изменению общества, – изменению, означаящему переворот в существующем общественном строе. Рабочие классы хотят быть во главе общества, а не на дне его, вернее – они хотят, чтобы в обществе не было ни верха, ни дна!»

Моррисон восклицал:

«Итак, братья, мы проложили теперь ровный путь к успеху, мы построили железную дорогу к счастью... Кризис в условиях кашей жизни близок, он уже наступил. Борьба затрагивает нас всех, и горе тому, кто дезертирует со своего поста. Вопрос, поставленный на разрешение, гласит: кому быть наверху, труду или капиталу» (13).

Делегаты и пропагандисты вернулись частью в свои округа, частью отправились в миссионерские турне; исполнительные комитеты тред-юнионов разослала циркуляры, а секретари и организаторы принялись за работу, чтобы осуществить принятый в Лондоне проект. Что последовало затем, трудно себе теперь представить. Тред-юнионы пережили подъем, равного которому по быстроте и обширности мы не встречаем ни раньше, ни впоследствии. Полки тред-юнионистов выростали словно из-под земля; рабочие классы были охвачены предчувствием близкого избавления и опьянены преувеличенными надеждами. В ноябре 1833 г. было уже около 800.000 организованных рабочих (14), и приток новых членов к организациям не обнаруживал никакого ослабления. Непомерным надеждам на одном общественном полюсе соответствовали безграничные страхи на другом: среди предпринимателей и всех лиц, имевших общие интересы с капиталом. Центры промышленности и торговли превратились в театры военных действий. Классовая борьба кипела от юга до севера и от востока до запада. Забастовки, локауты, принуждения вступать в тред-юнионы и принуждения выступать из них были повседневными явлениями. Роль, которую играла в 1831–32 гг. агитация за билль о реформе, перешла теперь в борьбе за и против тред-юнионов. Возбуждение было теперь даже сильнее прежнего, так как дело шло уже не о политической, а о социальной революции.

Пыл, с которым столь значительные рабочие массы ринулись в классовую борьбу, частью привел в энтузиазм, частью испугал их друзей, но врагов их он преисполнил страха и ненависти. Вся пресса королевства говорила о них и, смотря по своим партийным и классовым интересам, занимала ту или иную позицию по отношению и тред-юнионом. Газеты вигов давали волю всему своему гневу против презираемого до тех пор класса; буржуазно-радикальная печать была настроена довольно дружественно и выражала лишь пожелание, чтобы рабочие не относились пренебрежительно к политике; органы ториев звали на помощь полицию и прокуратуру или же пытались привлечь рабочих на свою сторону, чтобы повести их против правительства вигов (15).

В этой насыщенной энтузиазмом атмосфере рабочие приняли бенбовский план всеобщей забастовки. Составленная в этом духе резолюция была принята 5 октября 1833 г. на большом рабочем собрании в Глазго. Идея всеобщей забастовки усердно обсуждалась:

“ «Это будет не восстание, а пассивное сопротивление; рабочие будут наслаждаться своим досугом: нет и не может быть такого закона, который заставил бы их идти против своей воли на фабрики. Они могут прогуливаться по улицам или в поле; они не будут носить ни сабель, ни ружей, и дело не дойдет до чтения акта о бунте. Достаточно будет одной пассивности; одна безработная неделя или безработный месяц будут хорошим уроком: по векселям не будут платить, деловая жизнь остановится, официальная «London Gazette» будет помещать длинные списки банкротств, государственные доходы перестанут поступать, вся правительственная машина придет в расстройство, и цепь, связывающая воедино общество, начнет распадаться звено за звеном, благодаря одному пассивному заговору бедных против богатых» (16).

Один сапожный подмастерье пишет около того времени в «Poor Man`s Guardian»:

“ «Если организация пойдет и дальше так, как теперь, то классовое разделение будет закончено, и производительный класс не позволит больше непроизводительному нарушать естественное право и элементарную справедливость и присваивать себе богатство, созданное рабочими» (17).

С наибольшей резкостью идея классовой борьбы выражена в одном анонимном письме в редакцию «Poor Man`s Guardian» от 30 августа 1834 г.

“ «Война между трудом и капиталом не должна вестись при помощи ружей и сабель. Капиталисты не идут сами в бой; они посылают невежественных рабочих против просвещенных рабочих. Главным оружием нашим должна быть народная пресса. Раз рабочие придут к сознанию своего положения, последний час капитализма пробил. Чтобы добиться своего освобождения, лучше всего пользоваться а практической борьбе забастовками. Нужно непрерывно бастовать, особенно против предпринимателей, стоящих во главе кампании против рабочих.

Для рабочих нет потерянных стачек; необходимые работы должны быть рано или поздно выполнены, но пусть – назло предпринимателям – время их выполнения определяют рабочие. Большое преимущество стачек заключается в том, они обостряют антагонизм между рабочими и капиталистами. В Англии существуют еще тысячи рабочих, прозябающих в апатичном довольстве своими хозяевами и отдающих им свой труд за голодную плату. Стачка, продолжающаяся хотя бы одну только неделю, наводит таких рабочих на размышления о законах, заставляющих их

надрывать над работой и голодать, чтобы дать предпринимателям возможность утопать в богатстве и роскоши. Результатом такого размышления должна явиться сильная вражда к капиталистическому классу. Новообращенные увеличат собою армию, борющуюся в других местах Англии за освобождение рабочего класса».

Все это звучит удивительно по-современному. Вообще, начиная с 1833 г., вся терминология становится современной. Выражения: социалист, тред-юнионизм, стачка, всеобщая забастовка, буржуазия и пролетариат, политика и анти-политика, классовый антагонизм и классовая солидарность и т. д. – встречаются с этих пор. Временами испытываешь чувство, как будто ты перенесен в непосредственное настоящее, особенно при чтении «Poor Man`s Guardian» и «Pioneer». Всему этому движению недоставало только понятия эволюции и более ясных экономических определений, чтобы превратить его в современное движение, частью социал-демократическое, частью синдикалистское. С присоединением организованных рабочих к социалистической агитации, последняя перестала быть оуэнистской сектой и стала большим пролетарским классовым движением, которое – в силу особых обстоятельств – обратилось на первых порах против парламентского способа действий и возложило все свои упования на прямое действие тред-юнионов. Оуэн с ужасом видел, что массы отворачиваются от его тактики и от его целей, и с удвоенной энергией принялся доказывать, что только сообща с имущими классами рабочие могут принести избавление стране. Он доказывал, что капитал тоже производителен и вместо вражды заслуживает дружеской предупредительности со стороны рабочих. Испуганный революционным порывом тред-юнионов, Оуэн на митинге, состоявшемся в Манчестере 25 ноября 1833 г., основал Союз национального возрождения, который ставил себе задачей совместными усилиями предпринимателей и рабочих ввести с 1 марта 1834 г. восьмичасовой рабочий день. Между тем тред-юнионы поняли дело так, что 1 марта должна быть объявлена всеобщая забастовка с целью вынудить 8-часовой рабочий день у фабрикантов. Вскоре Оуэн начал сваливать всю вину на происшедшее недоразумение на Моррисона и Смита: они, мол, все напутали.

Отныне Моррисону и Смигу приходилось бороться на два фронта: с одной стороны, против Оуэна и его приверженцев, с другой – против парламентарных социалистов. Смит считал влияние Оуэна на тред-юнионы вредным (18), а Моррисон потерял свое прежнее почтение к Оуэну (19).

У массы и многих ее вождей ореол Оуэна стоял, однако, еще высоко. Синдикалистская идейная работа была еще слишком недавнего происхождения и известна слишком немногим пролетариям, чтобы Моррисон и Смит могли достигнуть успехов в борьбе с Оуэном. Более благоприятную для себя почву и более удобный случай они нашли в своей полемике против парламентарных социалистов, во главе которых стоял О'Брайен, как редактор «Poor Man`s Guardian».

Полемика между социал-демократами и синдикалистами

В своем докладе от 25 августа 1833 г. Дж.Э. Смит, в то время еще отчасти оуэнист, заявил, что парламентарная политика не может удовлетворить народ ни интеллектуально, ни практически, так как она не дает повода для действий. В политических союзах люди изощряются только в красноречии и учатся сочинять бесполезные резолюции. Самое важное – это экономические действия.

“ «Политика должна измениться по мере того, как рабочие все больше становятся социальной силой. Занимаясь исключительно своими собственными делами, рабочие столь же несомненно будут направлять движения правительства, как руль направляет судно» (20).

Смит имел еще здесь в виду и кооперативные, и профессиональные объединения рабочих. После рабочих конгрессов, происходивших в сентябре (Манчестер) и октябре (Лондон), антипарламентаризм принял у него и у Моррисона, ставшего тем временем редактором «Pioneer», чисто синдикалистский характер. «Crisis» и «Pioneer» сделались органами пролетарской интеллигенции, тогда как «Poor Man's Guardian» потерял свой старый престиж. О Брайен жаловался:

“ «Наблюдая борьбу, развертывающуюся в настоящее время между трудом и капиталом, мы с изумлением и прискорбием замечаем одну ее особенность: мы разумею склонность главных вождей рабочих совершенно отделять свое дело от политики. Эта тактика самая ошибочная и бесплодная, какую только можно себе представить. Вы видите, что когда рабочие поднимаются против предпринимателей, то вызывается военная сила. Кто платит за содержание войск? Народ! Кто командует войсками? Правительство! Между тем, в образовании кабинета, как и вообще в составлении всего государственного механизма, народ не принимает никакого участия. Если бы у нас было всеобщее избирательное право, то юстиция, парламент и, следовательно, распоряжение армией и полицией зависели бы от решений всего народа, другими словами, рабочих так же, как от предпринимателей: ни для одного класса не открывалась бы тогда возможность пользоваться большей защитой, нежели пользуется другой. При нынешнем режиме цели тред-юнионов, по вашему мнению, не могут быть достигнуты... Всеобщее избирательное право означает не плоские разговоры о политике, а господство народа в государстве и общине, следовательно, правительство в интересах рабочего народа. Чего хотят тред-юнионы? Более высокой заработной платы и более короткого рабочего времени, т. е. они хотят производить меньше богатств и получать из них более значительную долю. Кто же не видит, что тем самым они нападают на собственность? Мы не

находим в этом ничего дурного. Напротив: нападать на собственность – это значит нападать на грабительство. И это хорошо. Вопрос лишь в следующем: как надежнее всего осуществить это нападение? Путем закона мы этого не можем сделать, так как не участвуем в составлении законов. При помощи тред-юнионистских методов это возможно, но к ним должно быть присоединено всеобщее избирательное право» (21).

Эти политические рассуждения были приняты тред-юнионистами за нападение на тред-юнионизм. Весь «Poor Man`s Guardian» стал неприятен рабочим, и О'Брайена начали клеймить как противника их.

Один простой рабочий ответил ему:

«Ваши замечания показывают, что вы плохо знаете тред-юнионизм. Рабочие нашли, что до сих пор политические союзы оказались бессильными дать что-либо большее, чем комедию билля о реформе, и что они ничего не дадут также в будущем. В политические союзы открыт доступ лицам, заинтересованным в том, чтобы сделать для рабочих невозможным пользование плодами своего творческого труда. Рабочие полагают далее, что союзы, в члены которых допускаются самые разнообразные люди, никогда не могут иметь единой тактики и должны, следовательно, оставаться неработоспособными. На прошлой неделе вы, г. редактор, высказали мнение, что требуя более высокой платы и менее продолжительного рабочего времени, рабочие нападают на собственность и пытаются производить меньше богатств. На самом деле тред-юнионисты отнюдь не пытаются ослабить производство богатств, а хотят лишь сделать распределение их более равномерным, доставляя занятие безработным. Я спрашиваю вас: разве предоставление занятия большому числу рабочих поведет к сокращению производства? Что же касается нападения на собственность, то я спрашиваю: разве собственность не принадлежит производителям? И разве мы не вправе потребовать назад свое достояние? Итак, весь разговор о том, чтобы капиталисты платили более высокую заработную плату, бессмыслен: они никогда ничего не платили и не будут платить. Наше требование более высокой заработной платы означает для нас лишь право пользоваться плодами своего труда».

Так думали простые рабочие в 1833 г. О'Брайену нетрудно было показать, что он сам в существенных чертах согласен с этими возражениями, только «естественное право рабочего на продукт его труда должно быть санкционировано искусственным правом государства», а это может быть достигнуто только при помощи всеобщего избирательного права. Но тред-юнионистские рабочие были настолько преисполнены тогда презрения к государству и настолько проникнуты сознанием своей мощи и доверием к своим собственным организациям, что во всяком указании на необходимость завоевания политической власти они видели умаление достоинства тред-юнионов. Оба направления перестали понимать друг друга. Такие выражения, как правительство, всеобщее

избирательное право, самоуправление понимались различно: парламентаристы относили их к политическим учреждениям, синдикалисты – к тред-юнионистским организациям. Первые желали демократической палаты общин, вторые стремились ко всеобщей рабочей камере, которая должна руководить хозяйственными интересами производительных классов и всей нации. Для первых политическими единицами были избирательные округа, для вторых – отдельные тред-юнионы. Парламентарная политика и тред-юнионистская экономия совершенно разошлись друг с другом. «Crisis» писал:

“ «Готовится борьба, но в борьбе этой мы наверное победим. Мы держимся сейчас в рамках закона и все-таки заставляем трепетать наших властителей. Пройдет немного времени, и они начнут издавать законы, направленные против нас, а затем обвинять нас, что мы нарушаем их. Неужели мы будем считать своим долгом смиренно подчиняться этим законам, коих единственное, быть может, назначение – остановить наше движение к благоденствию и социальному счастью? Если вашим властителям так нравится сочинять законы, пусть сочиняют их для себя; если они находят такое удовольствие в обложении податями, пусть облагают себя сколько им угодно; но пусть спрашивают раньше нашего совета, когда они прописывают пилюли для болезни, которую мы гораздо лучше умеем лечить. Непосредственным следствием попытки подавить в настоящий момент усилия народной воли будет твердое решение народа самому издавать для себя законы. Таков будет результат: у нас будет настоящая палата общин.

Единственная настоящая палата общин – это палата тред-юнионов. У нас будут свои собственные «избирательные округа»: каждый тред-юнион составит избирательный округ, и каждый промысел будет иметь свой совет представителей. Парламент ничего не понимает в интересах народа и нисколько о них не заботится. Он состоит из любителей наживы. Как может хозяин быть представителем рабочего?.. Реформированный парламент дискредитирован и не вернет себе больше прежнего уважения. Он будет заменен палатою тред-юнионов» (22).

Демократическая печать неправильно поняла мнение «Crisis»а и «Pioneer»а, на что Моррисон ответил:

“ «...Политико-экономы, принадлежат ли они к имущему или к неимущему классу, настолько близоруки, что ждут только частичных облегчений: понижения налогов, отделения церкви от государства, пересмотра списка пенсий и других жиденьких реформ в том же роде. И когда они добьются их, каково будет положение? Разве мощь капитала и монополистов будет этим ослаблена? Разве парализуется этим коммерческая система? Но даже оставляя в стороне осязательные результаты, – разве обсуждением реформ подобного рода рабочие приобрели сколько-нибудь более глубокое понимание общественной жизни? Существует лишь один способ достигнуть

этого знания и умения: это – всеобщее объединение трудящегося народа для изучения и направления тех дел, в которых он располагает опытом. Профессиональный союз – единственный способ, при помощи которого рабочие могут получить всеобщее избирательное право, ибо в союзах они получают его путем практики; здесь они учатся сначала вести свои собственные дела в малом масштабе, раньше чем принимать участие в управлении большими делами. При правильном руководстве возрастающая мощь и интеллигентность тред-юнионов вовлечет в их круг все экономические интересы страны; своею собственной силой они приобретут в обществе значение прямо-таки диктаторское. Когда этот момент наступит, мы будем иметь все, чего хотим; мы будем тогда иметь и всеобщее избирательное право, ибо когда каждый член союза равноправный избиратель, и союз стал жизненным органом государства, то верховным управлением будет палата тред-юнионов, состав которой будет зависеть от голоса каждого рабочего. Палата тред-юнионов будет руководить хозяйственными интересами страны в согласии с волей этих союзов. Такова восходящая лестница, по которой мы придем ко всеобщему избирательному праву... У нас всеобщее избирательное право начинается в местном рабочем союзе, приобретает более широкий характер в окружном и всеобщем союзе, чтобы затем поглотить политическую власть и быть поглощенным во всеобщей хозяйственной организации трудового народа...» (23).

Двумя неделями позже Смит, писавший в «Pioneer» под псевдонимом Senex, дал этой мысли следующее классическое выражение:

“ «Социальная свобода должна предшествовать политической свободе. Пока мы находимся в состоянии экономического рабства, наши политические права могли бы пойти на пользу только интересам наших тиранов; нас запрягли бы на службу партиям рабовладельцев и заставили бы служить их целям! Нет! Прежде чем выпустить лошадь из конюшни, чтобы она могла наслаждаться свободой на зеленом лугу, нужно отвязать ее от дышла; надо развязать ремень, который держит ее шею в хомуте, и затем снять с нее уздечку, хомут и всю сбрую: она должна быть свободной от всего, что напоминает об ее рабстве. Кто утверждает, что мы никогда не будем свободны, пока не получим всеобщего избирательного права, тот говорит в сущности лишь то, что мы никогда не будем свободны, пока не будем свободны. Наше положение не политически-парламентарное и никогда не может стать политическим на пользу нам, пока мы не образуем независимую силу в обществе. Дать нам эту силу может только тред-юнион».

Когда Моррисон и Смит писали эти статьи, большой Национальный Союз, о котором сейчас будет речь, уже вступил в жизнь. Они старались развить эту крупную организацию в синдикалистском духе, между тем как Оуэн стремился придать ей кооперативный и классово-солидарный характер и сделать ее основой мирного переворота в обществе.

Большой Национальный тредс-юнион

В феврале 1834 г. делегаты тред-юнионов собрались в Лондоне, чтобы учредить Большой Национальный Союз объединенных промыслов (Grand National Consolidated Trades-Union). Заседания происходили при закрытых дверях. Насколько можно заключить по сведениям «Pioneer»а, многие делегаты выступили против централизации; затем есть основание думать, что Национальный Союз обнимал лишь около половины организованных рабочих Великобритании. Выбранный конференцией комитет решил отказаться от слияния фондов различных тред-юнионов, но установить единство действий и управления, особенно в употреблении денег на поддержку тех членов или отдельных профессиональных союзов, которые падут жертвою яростных преследований капитала. Затем комитет сделал следующие «предложения», на которые можно смотреть, как на своего рода программу действий:

“ «1. Возможно большее число тред-юнионов должно, по зрелом обсуждении вопроса, войти между собою в соглашение относительно принятия общего устава, согласованности действий и выработки ясных правил о сборе и употреблении денег для полезных целей организации. 2. Так как земля образует источник необходимейших средств существования; так как без обладания ею производительные классы навсегда останутся крепостными капиталистов и, вследствие колебания цен, будут страдать от обесценения денежной заработной платы, – то комитет тред-юнионов рекомендует им употребить серьезные усилия с целью арендовать столько земли, сколько позволяют их фонды, дабы в случае продолжительных стачек или локаутов давать лишившимся работы членам прибыльные занятия в прев производстве нужных им пищевых средств под руководством теоретически и практически опытных агрономов. Эти мероприятия не только не понизят заработной платы, но будут скорее иметь тенденцию повысить вознаграждение труда в промышленности, ибо они уменьшат число безработных. 3. Комитет рекомендует, однако, в случае забастовок или локаутов стремиться, в первую очередь, к тому, чтобы лица, лишившиеся работы, получали в меру возможности кооперативное занятие в производстве изделий, на которые существует спрос со стороны их товарищей-юнионистов. С этой целью каждый профессиональный союз должен устроить мастерскую, купить сырье и принять необходимые меры для производства за собственный счет. 4. Каждый окружной союз поступил бы целесообразно, если бы устроил также фонд вспомоществования для больных, инвалидов и престарелых. 5. Всюду, где это осуществимо, каждый союз должен открыть потребительскую лавку с целью снабжать рабочих доброкачественными пищевыми продуктами по ценам, лишь немного превышающим оптовые. 6. Каждый союз должен устроить образовательные курсы для рабочих, воспитывать нравственные характеры, организовать разумные развлечения, дабы поднять человеческое достоинство своих членов и вообще отвлечь рабочих от грубых удовольствий и зрелищ. 7.

Работницы должны быть организованы в собственные союзы и примкнуть к Объединенному Союзу».

Программа была, таким образом, компромиссом между оуэнистскими и тред-юнионистскими стремлениями и ставила себе целью «совершенно освободить рабочих от тирании капитала».

Центральным органом был сделан на первых порах «Pioneer» Моррисона.

В то время как акушеры и няни Большого Национального Союза издавали восторженные клики, само дитя было на волосок от смерти. Капитал, пресса и государство старались, не отступая ни перед какими средствами, сделать его существование невозможным. Локауты и забастовки истощали фонды тред-юнионов, печать призывала к строгому применению законов о союзах, юстиция выносила тред-юнионистам драконовские приговоры. Осуждение шести дорчестерских рабочих за принесение и принятие присяги при поступлении в Союз новых членов было устрашающим примером (24). Дальнейшим препятствием явилась юридическая беззащитность союзных фондов: бесчестные должностные лица союзов имели поэтому возможность безнаказанно расхищать их суммы. Такого рода случаи имели место и в Большом Национальном Союзе и пошатнули доверие рабочих к нему. Уже в апреле положение организации, было критическим. Сюда присоединились нелады между Оуэном, Моррисоном и Смитом, при которых дальнейшая совместная работа их представлялась невозможной. Оуэн смотрел на все с точки зрения кооперации и солидарности классов и считал классовую борьбу вредной, между тем как Моррисон и Смит отвергали все утопическое и из орудия, которое рабочие создали для себя в лице Национального Союза, хотели сделать меч, чтобы низвергнуть им старое общество и на место капитала поставить труд. В июне 1834 г. антагонизм между умственными вождями рабочего класса стал непримиримым. Оуэн прекратил издание «Crisis», чтобы отстранить Смита от рабочего движения, а президиум Национального Союза он побудил отнять у «Pioneer» характер центрального органа и выжить Моррисона.

Благодаря тайне, которой президиум обставлял свою работу, мы лишены возможности дать более подробные сведения об этой всеобщей конфедерации труда. После приостановки «Pioneer» президиум основал собственный орган – «Pioneer and Official Gazette». В сентябре президиум порвал всякие отношения с Оуэном (25). Организация распалась, но и погибая, она оставила важное свидетельство напряженной работы мысли, происходившей в описываемый период. Документ этот находится в «Pioneer and Official Gazette» от 30 сентября 1834 г. – единственном существующем номере этого органа. Передовая статья является, очевидно, заключительным обзором всех перипетий борьбы 1832 –1834 гг., и более достойной оценки они не могли бы найти. Статья гласит:

“ «Размышления о возрастающем духе единения между рабочими всего мира

Дух объединения между рабочими наиболее передовых наций Европы есть проявление сильного естественного чувства, причины которого кроются в далеком прошлом. С незапамятных времен природа находится в движении;

она идет вперед; она непрерывно действует с нами и в вас. Отдельный человек поступает, правда, часто на основании мотивов, подсказываемых ему местными и временными обстоятельствами и порядками, но природа, не переставая, действует на род человеческий при посредстве постоянных законов ассимиляции, благодаря которым все органические существа развиваются и незаметно, ежеминутно подвергаются изменению.

Фактически ни об одном органическом существе нельзя сказать, что оно есть, так как все органические существа непрерывно переходят от одной формы к другой, от одного видоизменения к другому. То же замечание применимо к человеческому обществу: оно находится всегда в процессе преобразования. Что отсюда следует? Отсюда вытекает следующее соображение: общество, как соединение человеческих, следовательно – органических существ, постоянно меняется и соответственно с этим создает новые идеи; между тем, искусственные правила общества (законы и распоряжения) остаются в силе продолжительное время и не подвержены постоянным изменениям. Отдельная личность обновляется, ощущает новые потребности, формулирует новые желания, но скоро видит себя стесненной законами и правилами, изданными для исчезнувших уже состояний и потребностей. Возникает движение в пользу радикальной реформы всех искусственных правил.

Какова должна бы быть в этом случае обязанность разумного правительства?

Важнейшая обязанность разумного правительства должна бы заключаться в наблюдении действия, производимого на население естественными переменами, в исследовании новых идей, вызывающих новые потребности и желания, дабы своевременно изменять законы и распоряжения и, таким образом, поддерживать равновесие политических сил. Выполнение этой обязанности возможно лишь в том случае, если властители обладают следующими тремя качествами: пониманием века, в котором мы живем; мудростью, дабы отличать право от неправды; беспристрастием, дабы действовать в интересах всего общества, а не отдельных лиц...

Применяя сказанное к конкретным условиям, можно сказать следующее. Возрастающая конкуренция между крупными и мелкими предпринимателями вынуждает многих из них становиться поневоле маленькими тиранами своих рабочих. С другой стороны, тред-юнионисты поступают, по-видимому, несправедливо, когда они запрещают другим рабочим наниматься за плату, не достигающую известного минимума, – минимума, который не был установлен никакой общепризнанной властью. В сущности говоря, все это происходит независимо от человеческой воли. Мы видим здесь действие природы. Закон развития действует здесь через посредство духа, через посредство борьбы людей, для счастья человечества... Пробивает себе путь новая система труда. Новый

промышленный строй и борьба между классами представляют собою положительные признаки зарождающегося социального порядка. На место крупных предпринимателей должны стать комитеты рабочих или министерства промышленности. Учреждения этого рода приведут постепенно к отмене частной собственности...

Пока что борьба продолжается, и рабочие страдают. Но мы должны запастись терпением. Дух нового времени – непреодолимая сила; тред-юнионы будут существовать и дальше; мы будем и дальше бастовать и делать одну ошибку за другой. Но сколько бы страданий они нам ни приносили, однако, будут основываться все лучшие союзы, ибо из борьбы и трудностей мы почерпаем уроки. Постепенно возникнет новый мир. Капиталистические иллюзии и заблуждения, стесняющие и сковывающие общественную жизнь, станут очевидными для всякого; возникнет и распространится новый род знания и свободы – и все это по той единственной причине, что старый, проторенный путь мысли и действия стал слишком мал и тесен для материального плодородия и механических завоеваний наступившей уже эпохи!»

Таково было последнее заявление синдикалистского периода. Насколько неизмеримо выше оно рационалистических и кооперативных брошюр и манифестов Оуэна! То был период напряженной мысли и энергичного хотения, среди огромных трудностей, вызванных друзьями и недругами рабочих. И когда рабочие вожди дошли, наконец, до ясного понимания своей эпохи и своей миссии, вся организация рухнула! Вместе с нею рушились меновые базары, кооперативные предприятия, движение в пользу 8-часового рабочего дня, синдикализм, – но заодно с ними разлетелась в прах и добрая доля спасительных рецептов и утопий Оуэна. На развалинах взлетевшей в воздух синдикалистской лаборатории сидел обессиленный пролетариат, погрузившийся в апатию. Джон Френсис Брэй, автор «Labour`s Wrong» (1839), вдумчивый рабочий-самоучка, переживший сам этот фазис, оставил нам картину настроения, господствовавшего в ту минуту разочарования и отчаяния.

“ «Преобладающее большинство рабочего класса верило, что в своем стремлении положить конец господству капитализма Объединенный Союз окажется всемогущим, так как более могущественным оружием рабочие никогда раньше не обладали. Благодаря объединению отдельных союзов и оказываемой друг другу поддержке в борьбе против капитала, рабочие получили возможность наносить энергичные удары тиранам, и удары эти падали со всей тяжестью соединенных сил. Тем не менее, побеждали они или терпели поражение, – в обоих случаях борьба приносила им столько потерь и затруднений, что усилия их оказывались бесплодными. Большая конфедерация рассыпалась в куски и распалась на свои первоначальные элементы. Отдельные тред-юнионы существуют по-прежнему и от времени до времени продолжают вести неравную борьбу с капиталом, иногда с частичным успехом, хотя чаще она кончается поражением и разорением. В конечном итоге, капиталист и предприниматель остались победителями, и

враги рабочих с презрением и насмешкой указывают на тред-юнионы как на олицетворение слабости труда в сравнении с капиталом, как на неопровержимое напоминание о действии нынешнего строя на два класса, из которых состоит общество» (26).

Понадобились два года передышки и размышления, чтобы пролетариат был в силах снова выступить активно. Роль будителей взяла на себя лондонская рабочая интеллигенция, которая состояла из парламентарных оуэнистов и сильнее, чем когда-либо раньше, была убеждена в необходимости самостоятельного парламентского метода действий. На своих совещаниях, происходивших либо по поводу мер к освобождению шести дорчестерских рабочих, либо по вопросу о поднятии народной прессы, Ловетт, Гетерингтон, Батсон, Клив, Гартвелль и др. обсуждали положение, создавшееся благодаря событиям 1830 – 1835 г. г., и старались извлечь отсюда уроки для будущего. И главные уроки гласили: строго самостоятельная рабочая политика, социалистическая цель, мирная и воспитательная тактика (27); нити социальной демократии, оборванные событиями 1833 и 1834 гг., должны быть подхвачены снова. И обстоятельства пришли им на помощь: закон о реформе городского управления (1835), введивший в общинах парламентское избирательное право и долженствовавший положить конец старому хозяйничанью клик в городских учреждениях, натолкнулся на сопротивление лордов и повел к конфликту между нижней и верхней палатой, благодаря чему вновь проснулся интерес к конституционным вопросам; постепенное введение нового закона о призрании бедных подстегивало рабочих к публичным выступлениям (28); предстоящее понижение газетного штемпельного сбора о 4 пенсов до одного пенни оживило народную прессу. Приближение чартизма – в тесном смысле этого слова – ясно ощущалось уже в конце 1835 г.

Примечания

(1) “Times”, 20.12.1831; Carpenter. Cooperative Congress 1832. P.128.

(2) Carpenter. Op.cit. P.43.

(3) Ibid. P.42.

(4) “Northern Star”, 25.04.1840; “Chester Gazette”, 11.04.1840.

(5) Goals and Prisons. Accounts and Papers. Vol.38. 1840. #600. P.691f.

(6) “Charter”, 18.08.1837, Annual Register, 1839, II. P.133.

(7) “Pioneer”, 7.09.1833. Ср.: Character of Trade Unions. 1834. P.45.

(8) “Crisis”, 12.10.1833.

(9) Holyoake. History of Cooperation. 1875. Vol.I. P.211.

(10) Smith W.A. Life of J.E. Smith. L., 1892.

(11) "Pioneer", 5.10.1833.

(12) Небезынтересно сравнить с этой теорией внезапности в социологии аналогичную теорию в биологии. Ровно за 8 дней до цитируемой речи Оуэна «Crisis» напечатал реферат оуэниста и геолога д-ра W.D.Saull о прогрессивном развитии человека из животного мира. Saull говорил на ту же тему в рабочих собраниях. «Crisis» охарактеризовал его воззрения как «обезьянью гипотезу» (Symian hypothesis), с которой журнал не может согласиться. Редакция заявляла: «всеми признано, что человек – позднего происхождения; ясно также, что он явился на свет в н е з а п н о, и эта внезапность его появления есть очень веский аргумент против гипотезы, по которой природа превращает один вид в другой медленно и постепенно» ("Crisis", 23.09.1833).

(13) "Pioneer", 12.10.1833.

(14) "Crisis", 12.10.1833.

(15) "Tait's Edinburgh Magazine", 1834. Jan. P.389; "Cobbett's Political Register", 7.12.1833; "Newcastle Press", 21.12.1833; "Times", 4.11.1833.

(16) "Glasgow Liberator (Trade Union's Gazette)", 1.02.1834.

(17) "Poor Man's Guardian", 2.11.1833.

(18) Smith W.A. Life of J.E.Smith... P.104.

(19) "Pioneer". 25.01.1834.

(20) "Crisis". 31.08.1833.

(21) "Poor Man's Guardian". 7.12., 21.12.1833.

(22) "Crisis". 12.04.1834.

(23) "Pioneer". 31.05.1834.

(24) Webb. History of Trade Unionism... P.119f.

(25) Podmore Frank. Robert Owen. 1906. II. P.453.

(26) Bray J.F. Labour's Wrong. P.100.

(27) Place. Mss.27819. P.24, 229 f.

(28) Особенно волновались рабочие по поводу разлучения семей, призреваемых на общественный счет. Согласно старому законодательству о бедных, члены семьи, нуждавшейся в помощи, получали либо денежное пособие и могли тогда продолжать свою совместную жизнь, либо призревались все вместе в работном доме. По новому закону, нуждающиеся в помощи супруги и дети отправлялись по общему правилу в работный дом,

но здесь их размещали отдельно друг от друга.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 17 августа 2025 22:38:32

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 17 августа 2025 22:49:57